

Е. А. Курлаев

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ул. Софьи Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, 620990, Россия
E-mail: kurlaev@e1.ru

Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ?

Аннотация.

Ключевые слова:

Участие в столь значимой конференции, посвященной Югре, вызвало желание расширить первоначальный текст доклада. Еще в студенческие годы я принимал участие в раскопках городищ Шеркалы I (1978, 1979, 1983 гг.) и Перегребное I, проводил археологические разведки в окрестностях населенных пунктов Шеркалы, Перегребное, Чемаша, Саранпауль (1979–1981 гг.). В то время у меня начал формироваться самостоятельный взгляд на материалы из раскопок городищ. Поэтому и после окончания университета в рамках других экспедиций в 1983 и 1987 гг. я искал следы аналогичных памятников в окрестностях поселков Полновата, Ванзетура, Тугиян, Паштор, Большого и Малого Атлыма, Больших Леушей, Карымкар и Нарыкар. В 1991 г. продолжил поиски местонахождения русской крепости в окрестностях Саранпауля. Поиск аргументов для подтверждения связи материалов раскопок с летописной югрой стал мотивом возвращения в археологию. Промышленное освоение Урала и промышленная археология, изучение обстоятельств расстрела и сокрытия останков царской семьи, другие значимые темы отодвинули, но не подавили желание реализовать авторский взгляд на происхождение югры. Основные аргументы моей концепции о летописной югре были изложены при первой возможности опубликоваться [Курлаев, 1997. – С. 102–117]. В 2018 г. возобновилось исследование городища Шеркалы I, и я, как участник предшествующих работ на памятнике, считаю необходимым высказать свои наблюдения о раскопках тех лет.

С момента начала раскопок в Шеркалах в 1978 г. прошло «всего» 40 лет. Основной автор раскопок В. М. Морозов умер (1.06.1947–6.06.2008). Мною использованы копии отчетов ученого, хранящиеся в фонде рукописей Угорского научно-исследовательского центра УрФУ (ФР УНИЦ УрФУ).

Городище Шеркалы I находится на правом берегу р. Шеркалки у ее устья вблизи одноименного поселка. На его месте видны три холма, разделенные рвами. Первый от устья реки холм – самый большой, с размером верхней площадки 52 × 40 м. Второй холм, подчетырехугольный в плане, имеет размеры верхней площадки 30 × 35 м. Первоначально на его площадке были отмечены остатки трех древних

сооружений в виде приподнятых площадок овальной и округлой форм размером $3 \times 4 - 6 \times 7$ м. Третий (малый) холм имеет округлую форму с диаметром верхней площадки около 25 м.

В 1978 и 1979 гг. раскопки проводились на основании открытого листа № 443. Раскоп площадью 70 кв. м был заложен в северной части первого холма вдоль линии склона и ориентирован по оси городища. С северо-запада – на юго-восток участки обозначены арабскими цифрами. С юго-запада на северо-восток – буквами русского алфавита. На всей площади раскопа зафиксированы остатки деревянных конструкций. Выделены строительные горизонты. В результате раскопок были вскрыты остатки четырех сооружений, из них три были бревенчатыми. Одновременно с раскопками проведен сбор с поверхности (точнее, были зачистки обнажений) в пяти пунктах по всем холмам. Между первым холмом и небольшим останцом в сторону устья реки была заложена траншея длиной 10 м. Вещевой материал представлен 20 железными ножами, наконечниками стрел, украшениями (стеклянные бусины, подвеска, бляшки, кольцо, перстень), разнообразными изделиями из кости, камня, глины и бересты. Русская гончарная керамика представлена 22 фрагментами, средневековая – 106. Обнаружены ключи «новгородского типа». По мнению автора, находки указывают, что все три холма являются единым памятником [Морозов, 1998. Д. 2].

В 1979 г. с северо-востока к раскопу I прирезан раскоп 2 (он же раскоп 1–2) площадью 40 кв. м. Из особых находок этого года отметим развал печи, состоящий из камней со следами огня, и деревянную дверь, сделанную из трех досок с пазами для защелки и запора [Морозов, 1998. Д. 3].

Одновременно на втором холме на месте возвышения был заложен раскоп площадью 36 кв. м., получивший наименование Раскоп 2 площадки 2. Авторами отчета являются В. М. Морозов и Л. М. Терехова [Морозов, Терехова, 1979].

В 1983 г. раскопки на первом холме были продолжены. От раскопов 1–2 вниз по склону была заложена траншея (раскоп 3) длиной 19 и шириной 3 м. В данном отчете не указаны сведения об открытом листе. Судя по записям в полевом дневнике В. М. Морозова, работы здесь продолжались и в 1984 г. Коллекция находок представлена предметами из железа и бронзы, глины и камня, кости, дерева и бересты, стекла. За пределами трех холмов на кромке леса исследовалась 4-я площадка городища. Здесь на поверхности грунта просматривались контуры подчетыреугольной впадины. Для ее исследования проложили траншею шириной 1,5 м и длиной 36 м. По траншее заложили два раскопа площадью в 36 и 30 кв. м. Эта конструкция из траншеи и раскопов получила нумерацию – раскоп 4. [Морозов, 1998. Д. 4].

Одновременно проводилось исследование и второго холма городища. Раскоп площадью около 150 кв. м. был разбит по центру площадки рядом с раскопом 1979 г., но ориентирован почему-то, в отличие от предшествующих, по сторонам света. Это различие зафиксировано при инструментальной съемке плана городища в 1997 г. Талинской археологической экспедицией [Зыков, Кокшаров, 1998. – С. 153, 158]. Руководил раскопом С. Г. Пархимович. Отчет по этим работам в фондохранилище АКА УрГУ не обнаружен. В настоящий момент коллекция единого памятника разделена. Материалы раскопок опубликованы в незначительном количестве. Надеюсь, начав масштабные работы на Шеркалах, новые исследователи проведут качественные раскопки объекта, выявят и используют ранее накопленный и неопубликованный материал, доведут изучение памятника до конца. А далее – о том, к чему привели меня размышления над материалами раскопок.

В большинстве русских летописей на протяжении всего периода летописания встречаются неоднократные упоминания народа «югра». Это племя было известно в качестве одного из отдаленных северо-восточных соседей российских земель, данников, но одновременно и упорных противников новгородских и московских князей. К моменту массового освоения Урала русскими и появления достоверных записей о крае путешественников и ученых этноним «югра» исчезает из документов. Что же исчезло на самом деле – название племени или сам народ? Насколько обоснованы утверждения о генетической связи югры с обскими и западными уграми? Споры и предположения по различным аспектам истории этого народа возникли еще в XVIII в. и были сосредоточены вокруг нескольких ключевых проблем:

– района местообитания в различные исторические периоды;

- преемственности и связи с современными угорскими народами (ханты, манси, венгры);
- объяснения происхождения названия «югра».

Пути решения этих и других вопросов в дореволюционной историографии были достаточно полно представлены в работах А. А. Дмитриева [Дмитриев, 1894. – С. 1–41] и М. П. Алексеева [Алексеев, 1941. – С. 70–71].

Относительно местонахождения древней югры мнения ученых разделились следующим образом. Одни из них (Татищев, Болтин, Рычков, Миллер, Фишер, Шлецер) считали, что этот народ находился к западу от Уральских гор; другие – прямо противоположно: к востоку от Урала (Лерберг, Карамзин, Абрамов, Клапрот, Кастрен, Беляев, Соловьев); по убеждению третьих, югра жила на обоих склонах Урала, перемещалась и занимала сначала западный, а затем восточный склон гор (Георги, Регули, Европеус, Гофман, Замысловский, Оксенов, Смирнов).

Касаясь вопросов этнической принадлежности югричей, можно отметить, что все ученые единодушно связывали этот народ с обскими уграми. Но часть историков считала югру предшественницей вогулов и остяков одновременно (Лерберг, Кастрен, Европеус, Теплоухов), другие придерживались мнения, что она была предком только вогулов (Миллер, Фишер, Регули, Гофман, Чупин, Барсов), третьи же – что только остяков (Карамзин, Беляев, Бушен). На протяжении почти двух столетий в основе аргументации историков лежали главным образом скудные летописные сведения, и это было почвой не столько для научно обоснованных выводов, сколько для разнообразных догадок и предположений.

Трудность вопроса заключалась в согласовании ряда свидетельств, противоречащих друг другу. Пример тому – полемика о районе обитания югры, где, с одной стороны, летописи, предания и данные топонимики указывают на присутствие этого народа в Приуралье и даже значительно западнее, в бассейне рек Сухоны и Юга. С другой стороны – есть прямые сведения летописных источников, указывающие на обитание югры в Зауралье по крайней мере с XIV в. Не менее сложным оказалось определение причин исчезновения народа и этноса так называемых «остяков ляпинского наречия», упоминавшихся в более поздних документах по рекам Сосьве и Сыгве (Ляпину), в тех местах, где по «Книге Большому чертежу», несомненно, находилась югра. Решение этих вопросов дало бы возможность одной из групп исследователей обосновать связь между югрой и вогулами или югрой и остяками.

Высоко оценивая обстоятельный анализ трудов предшественников, проведенный А. А. Дмитриевым, мы хотели бы подчеркнуть несколько важных, по нашему мнению, моментов в этом исследовании. Это подмеченное несоответствие занимаемой остяками территории и границ древней Югорской земли. Любопытны данные о доисторической родине югры, существовавшей будто бы недалеко от места слияния рек Юга и Сухоны и предания о переселении древнего народа за Урал из этих районов, а также высказанное автором предположение о югре как особом народе, некогда составлявшем главное ядро угорского племени, но постепенно слившимся с вогулами и лишь отчасти с остяками. В итоге же исследователь попытался помирить крайние точки зрения и выдвинул компромиссное решение: «Слово Югра в древности употреблялось в двояком смысле – общем, собирательном и частном» [Дмитриев, 1894. – С. 40–41].

Исследования XX в. отличаются использованием более широкого круга источников. Помимо летописей, заметок путешественников, древних карт, документов, деловой переписки, легенд и преданий все активнее привлекаются этнографические, лингвистические, топонимические данные, а также материалы археологических раскопок.

Но насколько живо и разнообразно обсуждалась югорская проблематика до выхода труда А. А. Дмитриева, настолько же ослаб интерес к ней в последующее время. Начиная с работы С. В. Бахрушина, доминирует точка зрения, согласно которой древняя югра и остяки – единый народ, имевший разные названия в различные исторические периоды. На протяжении столетий он перемещался с западных склонов Урала на восточные [Бахрушин, 1935. – С. 3–5]. В дальнейшем этноним «остяки» был вытеснен другим названием этого народа – «ханты».

Длительное время история районов Нижнего Приобья основывалась на письменных источниках. Попытка обобщения археологических данных этого региона Западной Сибири и сопоставление их с этнографическим материалом была осуществлена В. Н. Чернецовым. Ему удалось создать достаточно

устойчивую классификацию археологического материала, показывающую преобладание и необыкновенную устойчивость форм материальной культуры на данной территории на протяжении столетий. Для самого позднего этапа этой классификации – кинтусовского, хронологически наиболее близкого к известным этнографическим материалам и определенного исследователем X–XIII вв. – характерно постепенное исчезновение из быта керамики, вытесненной, очевидно, привозными медными котлами. Кроме того, в украшениях этого времени почти исчезают литые из бронзы изображения птиц и животных, которые сменяются лапчатыми и шумящими подвесками, в значительной степени привозимыми с Камы и Вычегды [Чернецов, 1957. – С. 138].

Периодизация и хронология археологических памятников Нижнего и Среднего Приобья I – середины II тыс. н. э. предложенная В. Н. Чернецовым, была дополнена и уточнена коллективом екатеринбургских ученых на основе исследования археологических памятников в районе Сургутского Приобья. Для нашей же темы особый интерес представляют археологические материалы XI–XVI вв., которые по схеме авторов включены в кинтусовский (конец XI – начало XIII в.) и сайгатинский (XIII–XVI вв.) этапы. Кратко отметим наиболее характерные для этих периодов черты. Сходный для всех этапов тип фортификации включает систему рвов и валов. Сходный тип жилища в виде слабоуглубленных подпрямоугольных построек с наземными очагами или чувалами. Грунтовые погребения покойников, лежащих в колодах на спине. Круглодонные сосуды, орнаментированные оттисками гребенчатых и фигурных штампов с ямочно-жемчужинной зоной на шейке. Причем на сайгатинском этапе керамика огрубляется и ее количество сокращается. В художественном бронзовом литье на смену полым зооморфным навершиям и подвескам приходит все большее количество лапчатых, крестовидных и других подвесок, а с течением времени возрастает количество изделий вымской и родановской культур. Эта схема, по мнению авторов, отражает хронологические ступени развития одной культурной общности с присущей ей преобладанием, прослеживающейся от рубежа эр до XIV в., и отражает развитие средневековой материальной культуры всей лесной части Западной Сибири [Федорова, Зыков, Морозов, Терехова, 1991. – С. 126–145].

С учетом археологических данных в научной литературе окончательно сформировалась картина становления этноса обских угров. Югра и остяки являются в ней лишь историческими названиями народа ханты и выполняют в исследованиях роль связующего звена между материалами археологических раскопок и этнографическими сведениями об этом народе XVIII–XX вв. Версия об «угорских корнях» югры и ее генетической связи с ханты стала безальтернативной в монографических изданиях и научно-популярных трудах [Соколова, 1976. – С. 15–16.; *История Урала*, 1989. – С. 137; *Оборин*, 1990. – С. 56].

В то же время подмечена и одна из серьезных проблем в изучении обско-угорских народов, которая заключается в том, что «археологические памятники этого населения (ханты. – Е. К.) изучены только до XIII в., а сведения о нем в русских письменных источниках появляются не ранее XVII в., что затрудняет изучение их истории в XIV–XVI вв.» [История Урала, 1989. – С. 137]. К этому следует добавить, что до 1980-х гг. в географически точно определяемом месте обитания югры – Нижнем Приобье – археологическими методами не было исследовано практически ни одного памятника XIII–XVI вв. Не было возможности опереться и на данные топонимических исследований этой местности, хотя имеется немало работ по топонимике Урала и, в частности, финно-угорской проблематике. Специальные экспедиции в этих районах либо не проводились, как, например, в области Полярного и Приполярного Урала [Матвеев, 1985. – С. 18], либо полевые материалы были опубликованы лишь частично [Дмитриева, 1995. – С. 62–64]. Не появилось пока трудов по истории Нижнего Приобья XVI–XVIII вв., основанных на архивных документах.

Серьезные коррективы в сложившиеся представления о развитии этнических процессов в лесной части Западной Сибири в эпоху средневековья внесли археологические исследования 1978–1983 гг. городищ Перегребное I и Шеркалы I в Нижнем Приобье (Морозов В. М., Пархимович С. Г.). Именно в этих районах, судя по имеющимся документам, в XIV–XVI вв. находилась югра.

Городище Перегребное I было обнаружено в пределах одноименного поселка на высоком правом берегу р. Оби, в том ее участке, где прекрасно просматривается раздвоение реки на Малую и Большую

Обь. Когда-то обитатели городка могли успешно контролировать все передвижения на этом стратегически важном участке реки. Другой памятник, Шеркалы I, находится в 30 км выше по реке. В свое время на этом месте находился средневековый городок Шеркар, который, по документам, назывался югорским [*Книга Большому чертежу, 1950.* – С. 50; *Миллер, 1937.* – С. 208, 331, 480].

По мнению авторов открытия раскопки слоев XII–XIII вв. дали материалы, характерные для вымской археологической культуры. К ним относятся срубные наземные жилища с дощатыми полами, ямы-погребца, укрепленные досками; печи-каменки, специфические вымские украшения, керамика, кости крупного и мелкого рогатого скота. Эти данные сопоставлялись с преданиями об уходе отдельных групп коми за Урал в связи с насильственной христианизацией в XIV в. Здесь отмечено множество топонимов коми происхождения, и в первую очередь – названия старых поселений, оканчивающиеся на «кар». Все это позволило выдвинуть концепцию о проникновении в Зауралье групп предков коми-зырян [*Морозов, Пархимович, 1985.* – С. 89–99].

Заимствование обскими уграми срубной техники не ранее рубежа II тыс. н. э. на основе анализа имеющихся этнографических и археологических данных отмечала в свое время и З. П. Соколова [*Соколова, 1957.* – С. 101, 105]. Появление новых домостроительных традиций в связи с приходом в Нижнее Приобье в XII–XIII вв. групп приуральского населения (коми-зырян) и их резкое отличие на фоне традиционных строительных приемов коренного населения отмечалось одним из авторов раскопок городищ Шеркалы I и Перегребное I в специальном труде, посвященном фортификации, поселениям и жилищам Зауралья и Западной Сибири, на основе анализа практически всех выявленных на этой территории средневековых памятников [*Морозов, 1994.* – С. 19]. К этому следует добавить, что на основе исследования К. Г. Карачаровым погребальных керамических комплексов средневековых могильников Сургутского Приобья отмечено резкое отличие керамики сайгатинского типа от керамики кинтусовского этапа. По нашему мнению, это является отражением каких-то событий, произошедших в период второй половины XII–XIII в. Автор исследования находит аналогии в гребенчатой орнаментации керамики сайгатинского типа и сосудов этого же времени из бассейнов рек Выми и Вычетгды [*Карачаров, 1991.* – С. 208–209].

Подводя итог современному состоянию югорской проблематики, отметим следующее:

- к настоящему времени в научной литературе сформировалась устойчивая схема развития этноса обских угров, где югра является историческим названием народа ханты в определенный хронологический отрезок;

- отсутствие комплексных историко-археологических исследований создало разрыв в изучении истории обско-угорских народов в период XIII–XVI вв.;

- на территории Зауралья и Западной Сибири с XII–XIII вв. отмечается увеличение количества находок вещевого инвентаря, характерных для вымской и родановской археологических культур, отмечается существование в Нижнем Приобье топонимов, характерных для вымской и родановской археологических культур, а также существование в Нижнем Приобье топонимов, характерных для древнепермских народов, появление которых исследователи объясняют следствием торговых операций и деятельности проводников коми-зырян;

- наиболее объективными исследования поселений и могильников югры могут быть лишь на территории Нижнего Приобья, где по летописным данным определенно обитал этот народ, по крайней мере в XIV–XV вв.;

- в Нижнем Приобье обнаружены и исследованы два городища, Перегребное I и Шеркалы I, отнесенные авторами к кругу памятников вымской археологической культуры.

Мы не отрицаем вероятность перемещения части коми-зырян на Урал с р. Вымь в конце XIV в. в результате активной миссионерской деятельности Стефана Пермского. Предания о переселении своих предков из Перми во главе с сотником Памой сохранялись какое-то время у остяков Большого Атлыма на Оби [*Теплоухов, 1893.* – С. 49]. В то же время мы обращаем внимание на следующие моменты. Группы приуральского населения, оставившие памятники типа Шеркалы I и Перегребное I, которые отличаются по многим признакам от одноименных памятников аборигенного населения, и известные по письменным источникам как югра практически одновременно (XII–XIII вв.), но значительно ранее

коми-зырян с р. Вымь переместились из Приуралья и заселили регион Нижнего Приобья и даже общее для них поселение – городок Шеркар. Совпадение по времени, территории и направлению миграционных процессов подтолкнули нас к мысли, что материалы XII–XIII вв. с городищ Шеркалы I и Перегребное I, более точно определяемые авторами как вымско-родановские, и принадлежат летописной югре. Такая постановка вопроса потребовала достаточной аргументации как «за», так и «против» выдвинутой гипотезы. В связи с этим возникла необходимость заново обратиться к уже известным летописным сведениям о югре и, возможно, нового их прочтения. Отмечу также, что авторы раскопок городищ Шеркалы и Перегребное В. М. Морозов и С. Г. Пархимович не разделяли мои взгляды и критиковали за попытку связать материалы раскопок из этих памятников с летописной югрой.

Первое сообщение о приуральском периоде жизни югры является для нашей точки зрения очень важным. Это краткий рассказ Гюряты Роговича Новгородца, датированный 1096 г.: «Яко послах отрок свой в Печеру люди иже дань дают Новгороду и оттуда идее в Югру. Югра же людье есть нем, и соседят с самоедью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: "дивно находим мы чудо, его же несмы слышали преж сих лет. Се же третье лето поча бытии: суть горы заидуше в Лукуморя, им же высота яко до небеса, и в горах тех клич велик и говор, и секут гору и хотящее высечися, и в горе той просечено оконце мало, и туда молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукой, просящее железо; и ище кто даст им нож ли секиру, и они дают скорую противу. Есть же путь до тех гор не проходим пропастьми, снегом и лесом. Не доходим их всегда. Есть же и подале на полунощье"» [*ПСРЛ*, 1856. – С. 10].

Сторонники обско-угорского происхождения югры, толкуя рассказ Гюряты, всячески старались приблизить этот народ к горам. Лишь в этом случае югра могла являться частью обширной зауральской общности [*Дмитриев*, 1894. – С. 20–21]. Но это весьма вольная трактовка документа. Источник прямо указывает на то, что югричи жили в это время на значительном удалении к западу от гор. Нет даже каких-либо намеков на родственные связи с Зауральем. Скорее наоборот. Для них земли за горным хребтом так же неведомы, как и русским. В горах живет неизвестный народ, говорящий на непонятном для югры языке. Кто это – самоеды (ненцы)? Но их рассказчик уже поместил по соседству, севернее югры, «на полунощных странах». Может быть, неведомый народ и есть предки современных манси? Очевидно, в XI в. они находились на более низкой ступени развития, ощущали недостаток в железных изделиях и выменивали их у своих западных соседей.

Где же обитала югра в конце XI в.? Попытаемся определить это, используя лаконичные фразы рассказчика. Во-первых, на значительном удалении к западу от гор. Примерно на широте одного из проходов в горном хребте, скорее всего вблизи горы Тельпосиз. Этот волок выводил к р. Ляпин и использовался достаточно активно на протяжении длительного времени. Об этом проходе, известном из летописей как «щель» или «югорский», упоминал А. А. Дунин-Горкавич, подробно он был описан К. Д. Носиловым [*Носилов*, 1904. – С. 49]. Упоминаемый путь до гор «на полунощье» – это, возможно, начало пути волока в районе р. Собь. На севере югра соседствовала с самоедами (ненцами), кочующими вдоль побережья Ледовитого океана. В том случае если летописное племя «печора» находилось на р. Печора, ближе к ее низовьям, то, по нашему мнению, в момент, зафиксированный в сообщении, югра расселялась где-то в среднем течении р. Печоры и на ее притоках. Некоторым подтверждением этому может быть маршрут новгородских сборщиков дани, которые, следуя волоком через р. Цильму, собирали дань в «печоре», а потом следовали в «югру».

Последовательность сбора дани, возможно, отразилась и на порядке перечисления подчиненных областей в договорных грамотах Великого Новгорода: «А се княже волости новгородские: волок со всеми волостями Торжок... Заволочье, Тре, Перемь, Печера, Югра» [*ПСРЛ*, 1859. – С. 169]. Наиболее отдаленные, восточные, волости постоянно стоят в конце списка. Но есть и некоторое отличие: «...Тре, Перемь, Югра, Печера...» [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 1949. – № 1].

Можно предположить, что такая перестановка не случайна, а отражает путь и последовательность посещения подданных волостей. В первом случае через волок и р. Цильму в низовья р. Печоры – в «печору», а затем в среднее течение этой же реки – в «югру». В другом случае порядок сбора дани иной: от «перми» на р. Вычегде через Ижемский волок по р. Ижме в среднее течение р. Печоры – в

«югру» и далее вниз по реке в «печоры», возвращаясь обратно по р. Цильме. Оба эти волока, Ижемский и Цилемский, и в дальнейшем являлись основными путями прохода на Печору и далее в Зауралье. Таким образом, на основе имеющихся данных из письменных источников мы предположительно считаем, что в XI в. югра находилась в среднем течении р. Печоры.

XII–XIV вв. отмечены в летописях достаточно частыми походами новгородцев в югру для усмирения и организации регулярного сбора дани. Все экспедиции совершались через «пермь» или «печору». Как повествуют источники, дань взымалась с большими потерями. Так, в 1187 г. были избиты данники печерские и югорские в Печоре [*ПСРЛ, 1841.* – С. 19]. Из-за избиения сборщиков дани в 1193 г. Новгород послал в югру целую рать во главе с воеводой Ядреем, которая потерпела сокрушительное поражение [*ПСРЛ, 1841.* – С. 21]. В 1323, 1329 гг. шедшие на югру новгородцы были разбиты устюжанами [*ПСРЛ, 1841.* – С. 73, 74]. Потерпели они поражение и в походах, датированных 1230 и 1357 гг. [*ПСРЛ, 1915.* – С. 262]. На протяжении нескольких столетий югра, как ни один народ в этом крае, не покорялась и оказывала упорное вооруженное сопротивление.

В летописях не встречаются данные, прямо указывающие на факт перемещения югры в Зауралье. Но, по всей видимости, это произошло между XII и серединой XIV в., когда югричи под давлением с запада русского населения и вследствие насильственной христианизации вынуждены были переместиться за Урал. Летописное племя обосновалось в Нижнем Приобье, где в 1364 г. их застают новгородские дружины: «Той зимы с югры новгородцы приехаша... воеваша на Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша» [*ПСРЛ, 1848.* – С. 64–65]. Очевидно, что боевые действия здесь ведутся от устья р. Северной Сосьвы, ставшей наиболее удобным и кратчайшим путем для передвижения ушкуйников от отрогов Уральских гор до Оби.

С этого времени по письменным источникам югра достаточно четко локализуется вдоль русла Оби и ее притоков, примерно от места слияния с Иртышем и до устья.

В этих же местах находят югру русские и в 1483 г., когда великий князь Иван Васильевич послал рать на вогульского князя Асыку «да и в югру на Обь великую реку». После боя с вогуличами на устье Пельма рать двинулась дальше по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю, воюя по дороге: «А от Сибири шли по Иртышу реке вниз воюючи, а на Обь реку великую в Югорскую землю и князей югорских воевали и в полон вели» [*ПСРЛ, 1982.* – С. 95]. В данном случае следует обратить внимание на то, что русские ратники продвигались к югре с юга по Иртышу и его притокам, не встретили этот народ в местах традиционного проживания хантов – на Иртыше, а все там же, ниже его устья, в Нижнем Приобье. Югры на Иртыше нет.

Организованный в 1499 г. зимний поход четырехтысячной рати во главе с воеводами С. Курбским, П. Ушатым и В. Гавриловым (Бражником) окончательно довершил разгром югры. Кроме городка Ляпина были взяты еще 33 города, 1009 лучших людей и 50 князей. Помимо этого, Василий Бражник разорил 8 вогульских городков и пленил 8 князей. При этом, как сообщают источники, в результате разрушительного похода много югричей и вогуличей было убито. Вновь в летописном повествовании югра четко отделяется от вогуличей. Путь к ней идет через Ляпин (Ломбовож) к устью Северной Сосьвы в бассейн Нижней Оби. Упоминается и одно из племенных образований югры – Куда (Кода). Важно отметить и тот факт, что спускающуюся с гор рать «из Ляпина встретили с Одоро [Обдора] на оленях югорские князи» [*Миллер, 1937.* – С. 204].

Более подробно описывает зауральский район обитания древней югры «Книга Большому чертежу» – источник XVI в. Авторы этого документа уже неплохо владели географией края, и многие из указанных пунктов без труда можно обнаружить на современных картах. Из текста следует, что поселения югры находились на Оби и на ее притоках Сыгве (Ляпине) и Сосьве. Во введении об этом говорится так: «А от реки Таза и от реки Оби вверх по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую земли...» (*Книга Большому чертежу, 1950.* – С. 50). Далее в тексте при описании Оби данные уточняются: «А по Оби реке и по рекам, которые в нее пали. От устья вверх Обдорские города. А выше Обдорских городов Югорские. А выше Югорских городов Сибирь». Перечисляются городки вверх по Оби. До устья Иртыша названы: Негеи, Носовой, Ирка, Сабдин, Сускар (Роговой), Войкар, Белой, Лосма, Мозым, Келчикар, Казым, Чемаш, Шеркар, Нелькгаркар, Курмыш-Юрган, Атлим, Карымкан, Эмдырь, Калым.

На Сосьве и Ляпине находились Юиль, Мункус, Ляпин, Искар, Тапсы, Нячин, Заглеи, Воронеи, Холикар, Эстын, Махтин, Березовой. «И те города по Сысве (Ляпину) и по Сосве, Югра» [*Книга Большому Чертежу*, 1950. – С. 168–170].

К ним стоит добавить еще и городки, которые располагались на этой территории, но не попали в «Книгу Большому чертежу» из-за того, что к моменту составления описания они были уже разрушены и брошены, или еще по каким иным причинам. Названия их сохранились в топонимах или наименованиях поселков, возникших поблизости. Это Черикор, Нарыкары, Вежакоры, Вонжакор, Низямский и Кодский городки, Малый Атлым [*Бахрушин*, 1937. – С. 7, 41], Шурышкар, Куноват.

Даже если не считать находившуюся близ устья Оби волость Обдор с городками Войкаром (Ночным), Уркаром (Белым) и Каменным [*Бахрушин*, 1937 – С. 7], а также Ендырскую волость, присоединенную к Коде в XVII в., то число покоренных в Югре городков (33) во время похода 1499 г. вполне совпадает с их реальным количеством в Нижнем Приобье в то время. В XVII в. эти селения хоть и назывались городками, но не были укреплены («городу и острогу нет, только одни юрты») и тянулись вдоль правого берега Оби, по его краю [*Бахрушин*, 1937. – С. 41]. Этим и были ограничены восточные границы югры, и, как повествуется в «Сказаниях о человецах неизвестных», далее к востоку «за югорскою землею над морем живет самоедь, зовомы молгонзея» [*Анучин*, 1890. – С. 235].

Вот эти данные, хотя и скудные, в совокупности оконтуривают югорскую общность районом Нижнего Приобья с притоками Оби – Сосьвой и Ляпиным, текущими с отрогов Уральских гор со стороны древней родины югричей. С. В. Бахрушин также обратил внимание на то, что «в понятие Югорской земли отнюдь не входила вся территория, населенная теми племенами, которых впоследствии русские называли остяками» [*Бахрушин*, 1937 – С. 4], но никак не прокомментировал это явление.

Ограничивая Нижним Приобьем район проживания югры, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в этом регионе отмечено скопление коми-топонимов, многие из которых имеют раннее происхождение [*Овчинникова*, 1969. – С. 16–17]. В первую очередь это некоторые из вышперечисленных пунктов и участков местности с названиями, оканчивающимися на «кар», что означает на языке древних пермян «укрепленный городок». Этот факт нельзя объяснить только тем, что русские путешественники, наносившие на карту названия гор, пользовались услугами коми-проводников и записывали чаще всего коми-названия. По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, топонимы на «кар» являются «фактами языка переселенцев» и указывают на этническую принадлежность первых жителей поселения [*Кривошекова-Гантман*, 1976. – С. 12]. Распространение названий с окончаниями на «кар», с учетом составленной С. Г. Пархимовичем карты-схемы коми топонимов в Нижнем Приобье практически полностью совпадает с территорией, населенной, по нашему мнению, югрой. В то же время они не встречаются, а югра не упоминается на Иртыше, в среднем течении Оби и на их притоках.

Но есть исключение. Это городок Неромкар, существовавший в верховьях р. Туры. Несомненно, народ, построивший эту крепость, контролировал речной путь и один из волоков через Уральские горы. Городок был разрушен, и через некоторое время на месте его остатков был основан г. Верхотурье. Неромкар никак не вписывался в нашу гипотезу о географическом совпадении распространения древнепермских топонимов и территории, заселенной югричами, ограниченной Нижним Приобьем. Ответ содержится в трудах С. Герберштейна, который утверждал, что «в этих местах находятся две крепости: Ером (Неромкар. – Е. К.) и Тюмень, которыми владеют господа князья югорские, платившие, как говорят, дань великому князю» [*Герберштейн*, 1988. – С. 157].

Связь или совпадение границ расселения и названий поселений югры с географией древнепермских топонимов этим не заканчивается. Одно из наиболее сильных племенных объединений югры было Кодское княжество, известное по летописям как Кода или Куда. В этом названии исследователи находят связь с родовым вождем коми – Кудым-Ошем, речкой Кудой, где стоял г. Кудымкар. Любопытно, что границы этого югорского княжества, в которое входило до 12 так называемых городков – юртов, оконтуривались древнепермскими названиями поселений: Карымкар – «Верхний город». Ниже по течению на северной границе Коды: Нарыкар – «Нижний город». Из этого следует, что находившийся в середине княжества городок Шеркар следует толковать как «Средний город», а не Шоркар – «Город на ручье». Тем более что поблизости от городища ручей отсутствует. Это подтверждается и одновременно

существующим у поселения мансийским названием «ят-ус» – «средний город» [Штейниц, 1962. – С. 110]. Многие коми заимствования относятся к эловому диалекту, на котором говорили все древние пермяне, но не позже XVII в. В частности, на р. Казым сохранились такие топонимы, как Юильск или Юиил-кар (городок в вершине реки), Чуели (вершина горы). Но археологические исследования пока не выявили здесь следов поселений древних пермян [Дмитриева, 1996. – С. 70, 74]. Несомненно, что для полноты и достоверности исследования район требует планомерных и профессиональных топонимических исследований.

Непонятным остается важный вопрос: что произошло с югрой, известной на Руси под этим именем несколько столетий? Почему вдруг народ стали называть остяками и так ли это на самом деле?

По мнению С.В. Бахрушина, термин «Югорская земля», или «Югра», выходит из употребления уже в самом начале XVI в. Племенам же, известным ранее под именем югры, с XVI в. присваивается татарское «уштяк» или «остяки» [Бахрушин, 1937. – С. 4]. В другом случае исследователи объясняют это событие как «вытеснение» из летописей слова югра этнонимом «остяки» [Майданова, 1962. – С. 30]. Отсутствие ясности с причинами исчезновения югры и появления остяков приводит к неразберихе при использовании этих этнонимов. Появляются «югорские вогулы и остяки», «обские вогулы» [Плигузов, 1993. – С. 146, 152].

Согласно нашим представлениям, после длительного противодействия московским дружинам югра была разгромлена и практически полностью уничтожена в результате последовавших друг за другом по крайней мере четырех известных крупных военных экспедиций в 1445, 1465, 1483 и особенно 1499 гг. Вспомним, что только в последнем походе огромная для народов того края, хорошо вооруженная четырехтысячная рать в одной лишь югорской земле разрушила все городки, пленила 50 князей и более тысячи «лучших людей», при этом много жителей погибло. После столетий противостояния для малочисленного в то время народа эта акция оказалась губительной. Очень лаконично, но убедительно говорится об итогах этого похода в одной из летописей: «Они же, ходившее на лыжах пеши зиму всю, да югорскую землю всю вывоивали и в полон вели» [ПСРЛ, 1982. – С. 98].

Как племенное объединение народ югра перестал существовать, а сведения о нем закономерно исчезают из всех документов, как правильно подметил С. В. Бахрушин, начиная с начала XVI в. В то же время на протяжении всего XVI в. и позже сохраняется представление о «Югорской земле» и в источниках нередко упоминаются югричи. Но речь идет уже не о могучем народе, а лишь об отдельных его представителях. Недаром в документах в одном ряду стоят остяки, вогуличи, югричи и самоедь [Миллер, 1937. – С. 339]. Югричи даже противопоставляются остякам, что свое время также подтолкнуло А. А. Дмитриева на определение югры как особого народа, отличного от вогулов и остяков, но считавшего его все же угорским [Дмитриев, 1894. – С. 27–32]. В течение XVI–XVII вв. остатки югорского народа были полностью ассимилированы остяками и вогуличами, обитавшими здесь же.

Пока нами не найдено отражение этих событий в обско-угорском фольклоре. Возможно, это как-то связано с уничтожением югорского народа или дошедшим до нас относительно поздним «пластом» сюжетов югорского эпоса. Но даже в небольшом обзоре данных из различных источников можно найти отголоски тех событий: «Пермитии убо людие тогда кланяхуся зверем и древною, и воде, и огню и златой бабе...» [ПСРЛ, 1968. – С. 93]. У обских остяков найдено много идолов, про которых они рассказывают, что эти идолы привезены ими из Пермской земли [Миллер, 1937. – С. 188]. Интерес к «золотой бабе» получил широкое распространение в западноевропейской литературе XVI – первой половины XVII в., а впоследствии и в отечественных научных исследованиях. Первоначально этот идол помещался на западе от Урала и считался зырянским кумиром, но, как свидетельствует наибольшее количество известий, примерно с середины XVI в. «золотая баба» находится за Уралом и упоминается как вогульский или остяцкий кумир. По мнению М. П. Алексеева: «Перемещение идола с запада на восток – факт несомненный и требующий объяснения» [Алексеев, 1932. – С. 116].

Григорий Новицкий в своем сочинении «Краткое описание о народе Остяцком 1715 г.» отмечал, что «сии же, что вниз по Оби, непременно глаголят наречием пермским» [Дмитриев, 1894. – С. 42], но объяснял это тем, что остяки переселились из Пермской земли, после крещения ее Стефаном Пермским.

Привлекает к себе внимание легенда коми о жившем некогда на Печоре религиозном деятеле Федоре Тироне, обращавшем в христианскую веру печерских коми. Но те убежали от Федора Тирона за Урал, перемешались с остяками и забыли свой язык. Поэтому будто бы остяки светловолосые, не такие, как ненцы [*Коми легенды и предания, 1984. – С. 33–34*].

Более 350 заимствований из коми языка в языке ханты и манси насчитали финский лингвист Ю. Тойвонен и венгерский ученый К. Редеи. Их древнейший слой относится к X–XV вв. [*Жеребцов, 1982. – С. 176*].

Любопытно отметить существование среди хантов предания о неизвестном народе «куран-ех» (осторожный народ), жившем на территории бывшего Кодского княжества, который противопоставлялся «кант-ях» (ханты) и выступал воинственным племенем [*Мартынова, 1995. – С. 121*].

Подводя черту под анализом некоторого круга сведений о зауральском периоде истории югры, нельзя не уделить внимания археологическим исследованиям городища Ендырское I на притоке Оби р. Ендырь, известного из документов как Ендырский городок, а из остяцкого эпоса – г. Эмдер. Он находился примерно на определяемой нами границе расселения югры. Из публикаций, сообщающих об этом открытии, можно составить представление о наличии на городище нескольких строительных горизонтов, сформировавших культурный слой памятника [*Зыков, Кокшаров, 1995. – С. 75–78*]. Фиксируются изменения, произошедшие в XIV–XV вв. в посткинтусовское время, когда площадка была расширена, застроена каркасно-столбовыми домами и срубной системой обороны, и особенно в период после пожара, когда на очередном этапе строительства была устроена печь-каменка. Мы считаем, что изменения связаны с произошедшим в этот период перемещением югричей в Зауралье. В то же время перепланировки городища в XVI в., возможно, следует связывать с их уничтожением. Вероятным подтверждением этому может быть появление иной системы отопления – чувалов. К сожалению, для поздних этапов обитания городища характерно практически полное исчезновение керамической посуды и возможности использования ее облика для толкования этнической принадлежности обитателей городища.

Говоря о названии «Эмдер», можно попытаться истолковать его на хантыйской языковой основе: emder – озеро [*Матвеев, 1968. – С. 145*]. При этом надо иметь в виду, что в непосредственной близости от памятника озера нет. Для нас предпочтительнее прочтение названия городка как «Емдор». В языке коми имя-послесловие «дор» имеет значение «возле, около, у» [*Матвеев, 1985. – С. 43–44*]. Можно сравнить Обдор (Обдорск) – «У Оби», Емдор – «У Еми». Такое объяснение, на наш взгляд, выглядит более убедительным, поскольку ниже городка р. Ендырь имеет приток Емьеган и здесь находится озеро Большое Емьеховское. Несомненно, р. Ендырь стала называться так от названия городка, но в предшествующие времена на всем своем протяжении она могла называться «Емь» (Емьеган). Тем не менее из-за недостатка информации пока сложно что-либо сказать об этнической принадлежности обитателей городка в XIV–XV вв. По всей видимости, убедительными аргументами в этом вопросе могут стать только результаты исследования находившегося поблизости средневекового могильника.

Изложив наше видение и решение проблем расселения югры в Зауралье, обратимся к сведениям, которые могли бы иметь отношение к ее древнему приуральскому периоду обитания. Их немного. Это уже упомянутые летописные известия 1096, 1193 гг. Упоминаются несколько этнопонимов в районе Уральского хребта: пролив Югорский шар, две речки Югры в бассейнах рек Ильча и Северной Сосьвы и соединяющий их «Югринский» проход. Отмечено также достаточно компактное скопление географических названий в северо-восточной части Центральной России, которые, по мнению некоторых дореволюционных историков (Татищев, Барсов), имеют отношение к древней югре. В бассейне реки Сухоны отмечены деревни Югорская и Югина, д. Югринская на р. Юг, д. Угринская на р. Ваге, а также реки Угроньга, Угорма, Юг и т. д. Сохранилось предание о переселении югры с берегов Двины и Юга, где этот народ жил когда-то под именем «Югорски», за Урал у его «потомков» вогул [*Дмитриев, 1894. – С. 7, 9*]. Эти предания получили дальнейшее развитие в исследовании профессора Казанского университета И. Н. Смирнова, который истолковывал двойные названия р. Вычегды и ее притоков из языка коми-зырян и древнего югорского языка, считая, что в пользу пребывания югры на всем течении Вычегды говорят и другие местные названия» [*Дмитриев, 1894. – С. 11–12*]. Следует обратить

внимание и на тот факт, что кодский князь Дмитрий в 1643 г. получил вотчину, принадлежавшую некогда его деду Игичею, именно на р. Вычегде, близ Еренского городка [Бахрушин, 1937. – С. 61].

Обратимся к современным исследованиям. С одной стороны, имеется давно сформировавшаяся точка зрения об угорских корнях югры и неоднократные попытки исследователей обнаружить следы обских угров в Приуралье. В какой-то степени это им удастся. В предгорьях Урала обнаружены мансийские топонимы, но, как утверждают специалисты, их сравнительно немного и они в основном сосредоточены в предгорьях или вблизи хребта [Матвеев, 1985. – С. 35]. Они не образуют сколько-нибудь крупных массивов, а ареал обско-угорской топонимики на Среднем Урале, очевидно, начинается только за Уральским хребтом, примыкая к нему с востока [Матвеев, 1968. – С. 142]. К этому надо добавить, что название «остяки» в топонимике Северного и Среднего Урала практически не встречается. Этноним «вогуличи» (обозначающий некий летописный народ, в котором историки усматривают как прямых потомков югры, так и предков манси) в названиях местности не совпадают с ареалом распространения мансийской топонимики, но образуют четко обозначенный район в верховьях рек Сылвы, Чусовой, Тагила и Ницы [Майданова, 1962. – С. 26–29].

Есть на западном склоне Урала и археологические находки, характерные для зауральских памятников обских угров, но в основном более ранних эпох [Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984]. Для периода XI–XIII вв., когда югра еще упоминается в районах Приуралья в летописях, причем на значительном удалении к западу от гор, кроме единичных находок, таких свидетельств нет. Нет поселений, могильников, городищ. А судя по летописному сообщению 1193 г., повествующем об осаде новгородцами одного из югорских городков, они были – и были сильно укрепленными. Очевидно, в фортификационном строительстве в XII в. югричи использовали строительные приемы, аналогичные обнаруженным в Нижнем Приобье на городище Шеркалы I.

По нашему мнению, достаточно проблематично объединять современные данные археологии и угорской топонимики не только с летописным известием 1096 г., но и со сведениями, предоставленными дореволюционными историками при обосновании обско-угорских корней югры.

Ситуация меняется, если рассматривать эти данные под другим углом, где югра не является обскими уграми, но относится к кругу древних пермских народов. Там, где дореволюционные ученые в свое время помещали югру, современные исследователи отмечают, что западная граница территории пермоязычных народов в IX–XII вв., по данным археологии и топонимики, как раз и охватывала бассейны рек Юга и Нижней Сухоны, а также верхнее течение Северной Двины [Жеребцов, 1982. – С. 32]. До XIV в. Вычегда с самого устья была занята населением, говорившим на древнепермском языке. Упоминание об обитании пермян в этих районах можно встретить и в письменных источниках. В 1332–1333 гг. И. Калита взял здесь в свои руки сбор дани для Золотой Орды, а в 1364 г. Дмитрий Донской отобрал у ростовских князей «пермские места устюгские» [Шибеев, Жеребцов, Жеребцов, 1980. – С. 319]. В течение XII–XIV вв. происходят изменения в расселении древних пермян. Их территория на западе сокращается, а к концу XIV в. в бассейнах Сухоны, Юга и других, за исключением нескольких, рек пермское население исчезает [Жеребцов, Конаков, Королев, 1985. – С. 21].

В бассейнах названных рек синхронно существовало несколько отдельных племен или племенных союзов, а пермский язык в то время не был единым, в нем имелось несколько диалектов. К этому надо добавить, что вышеуказанные названия деревень с основой «югра», «угра», очевидно, образованы от гидронимов с основой «юг(а)», зафиксированы в этом районе в основном уже за пределами современного расселения пермских народов. Вероятно, к ним можно отнести и названия речек «югра», обнаруженные на Уральском хребте. В гидрониме «юг», смысловое значение которого уже забыто местным населением, большинство исследователей видит древнюю форму, трансформировавшуюся к настоящему времени в «ю», что в современном комиязыке означает «река» [Афанасьев, 1985. – С. 72].

Все это не противоречит тому, что в IX–XI вв. одно из пермских племен, известное как югра, под давлением славянского населения, не желая принимать христианскую веру, начинает перемещаться вверх по Вычегде. В тех местах, где это племя когда-то обитало, в XII в. возникает г. Великий Устюг. Летопись под 1096 г. зафиксировала югру лишь на каком-то этапе вынужденного передвижения

населения в Зауралье. В каком месте это могло произойти? Возможно там, где мы первоначально предполагали, – в бассейне Средней Печоры. Но в этом районе пока не обнаружено памятников, аналогичных городищам Шеркалы I и Перегребное I (несмотря на то что исследователи этого края находят некоторую связь с материалами данных поселений и керамикой типа Зыбун-Нюр III) [Мурыгин, 1992. – С. 150–151], разве что одно малоисследованное городище вымской культуры на р. Ижме [Плюснин, Волокитин, 1990. – С. 11–12].

Можно предположить также, что югра в это время могла находиться в среднем или верхнем течении Вычегды. Здесь обнаружены могильники Шойнаты II, III и Пезмогский, датированные XI–XII вв., по обряду погребения и инвентарю близкие могильнику Перми Вычегодской с р. Вымь [Жеребцов, Конаков, Королев, 1985. – С. 112–129]. В IX–XII вв. древние пермяне заселили Верхнюю Вычегду до района р. Вишеры и Сторожевска. В XIII в. они покинули эти места [Жеребцов, Конаков, Королев, 1985. – С. 22]. И ушли. Но куда, может быть в Нижнее Приобье?

Поскольку в районе Средней Печоры, который мы на основе сообщения 1096 г. предварительно определили как область местообитания югры в XI в., памятников, аналогичных городищам Шеркалы I и Перегребное I, не обнаружено, то местонахождение югры в это время более вероятно в районе Верхней Вычегды. На Вычегде в районе Пезмога жители указывали на дорогу (Дорога древних людей), по которой из Пезмога ушли какие-то древние люди. Примерно на широте р. Вычегды в горах, за одним из наиболее древних волоков, соединяющим две речки «Югры», закрепилось название «Югринский».

С передвижением югры из контактных со славянским этносом областей согласуется и мнение авторов раскопок городища Перегребное I. Коллектив, основавший это поселение, прежде чем пересечь Уральский хребет, по-видимому, испытал сильное русское влияние [Морозов, Пархимович, 1985. – С. 96].

Таким образом, переместившись, по нашему мнению, по Вычегде с рек Юга и Сухоны, югра в XII–XIII вв. оказывается в Зауралье, следствием чего стало появление в Нижнем Приобье памятников типа Шеркалы I и Перегребное I, а в коллекциях археологических находок с территории западносибирского региона – увеличение количества вещей с Верхнего Прикамья и Вычегды. Происходят существенные изменения в облике материальной культуры обитателей Нижнего Приобья, вероятно связанные с миграцией.

Во второй половине XIV в. значительная часть югорского населения уже определенно находилась в Нижнем Приобье, а в XV в. в районе расселения югры существовало несколько территориальных объединений: Ляпинско-Сосьвинское (собственно югра), Обдора, Кода и четыре десятка поселений-городков. В конце XIV в. вследствие активной миссионерской деятельности Стефана Пермского сюда же перебирается и некоторая часть не принявшего христианство пермского населения с р. Вымь.

Походами русских дружин 1445–1499 гг. основная часть населения югры была уничтожена или уведена в плен, а городки разрушены. От югры осталось только название территории, просуществовавшее до XVIII в., а от югричей – отдельные жители, ассимилированные в XVI в. местным угорским населением. Какое-то время сохранялся язык югричей – как один из диалектов древнепермского языка. Следы его остались в преданиях и топонимах.

Говоря о близости названий «югра» и «угры», надо обратить внимание на то, что еще Сигизмунд Герберштейн пытался понять причину в различии их произношения, а мысль о происхождении венгров от угров европейского Северо-Востока впервые прозвучала еще в конце XV в. Впоследствии эта идея стала одним из элементов теории родственности населения Русского государства и Венгрии. Теория о близости или единстве венгров и югры должна была оправдать создание антипольского русско-венгерского союза и притязание Российского государства на западные земли. Эти идеи были широко распространены среди россиян в то время, и, как вспоминал С. Герберштейн, «московиты сильно хвастают этим именем (т. е. Югария), т. к. их подданные опустошили некогда большую часть Европы» [Герберштейн, 1885. – С. 135].

Известный венгерский языковед П. Хайду считает маловероятным установление языковой и исторической связей между словом «югра» и названием венгров (ungri), образовавшимся через племенное название турок оногуров [Хайду, 1985. – С. 34–35].

С другой стороны, если югра все же имеет древнепермские корни, не лишено смысла высказывание Татищева о появлении этого названия от р. Юг – «Югдория», перешедшее в «югра», учитывая при этом, что названия «Кондория» и «Обдория» заимствованы из зырянского языка и означают устье (страна при устье) Конды, устье Оби [Дмитриев, 1894. – С. 33].

Эта точка зрения может иметь продолжение и в именовании так называемых ляпинских «остяков» (остяков ляпинского наречия или северных вогулов) – Егра, Йогра (Jogra). Так называли коми-зыряне жителей, населявших только бассейны рек Сосьвы и Ляпина. То есть тех мест, где когда-то жила, но была уничтожена и ассимилирована югра – родственное древним коми племя, до последнего оставшееся язычниками.

Подводя итог, мы считаем, что летописная югра генетически могла относиться не к обским уграм, а кругу древнепермских племен или являлась неким, пока неизвестным, племенем, которое переместилось за Урал и к концу XV в. было практически полностью уничтожено походами русских дружин.

Основные заблуждения, приведшие в свое время к созданию гипотезы обско-угорского происхождения югры, по нашему мнению, заключались в отождествлении югры и остяков в один народ, в поиске единства названий западных угров и jogra – северо-восточных племен, чему способствовало отсутствие планомерных археологических исследований в тот период.

Обратиться к рассмотрению югорской проблематики с таких позиций стало возможным только после находки поселений древних пермян в Нижнем Приобье. Проведенных исследований и нескольких обнаруженных памятников пока явно недостаточно для убедительного подтверждения наших выводов, но все же имеется возможность обозначить проблему и выдвинуть гипотезу о неугорском происхождении летописной югры.

Внесение достаточной ясности в этот вопрос может быть осуществлен лишь после полной публикации материалов по уже исследовавшимся югорским поселениям и в первую очередь городищу Шеркалы I. Проведение раскопок на могильниках и городищах, известных как югорские или имеющих древнепермские названия. Необходимо и тщательное изучение документов XVI–XVII вв., имеющих отношение к истории Нижнего Приобья.

Список источников и литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей – 2-е изд. – Иркутск: Иркутское областное издательство, 1941. – 609 с.

Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах незнаемых в восточной стране» // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. – М., 1890. – Т. XIV. – 350 с.

Афанасьев А. П. Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Проблемы этногенеза народа коми. – (Труды ИЯЛИ; вып. 36) – Сыктывкар, 1985. – С. 68–77.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – М.: Изд-во Института народов севера ЦИК СССР им. П. Г. Смиловича, 1935. – 85 с.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. – 450 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 304 с.

Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. V. Покорение Угорских земель и Сибири. Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. – Пермь: Типография П. Ф. Каменского, 1894. – 237 с.

Дмитриева Т. Н. Географический термин Вош («городок») в хантыйской топонимии Казыма // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания памяти В. Н. Чернецова. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – С. 62–64.

Дмитриева Т. Н. Коми компонент в топонимии бассейна р. Казым // Христианизация коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: сб. статей. Сыктывкар, 1996. – Т. II. Филология. Этнология. – С. 64–67.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982. – 224 с.

Жеребцов Л. Н., Конаков Н. Д., Королев К. С. Из жизни древних коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 235 с.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Легендарный Эмдер (опыт сопоставления археологических, фольклорных, письменных источников) // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X археол.-этногр. совещания, посвященного памяти В.Н. Чернецова. – Томск: изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – С. 75–78.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Отчет о работах по выявлению и изучению древних городков Югорской земли летом 1997 года. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 5.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – 608 с.

Карачаров К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – С. 208–209.

Книга Большому чертежу. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 232 с.

Коми легенды и предания / сост. Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1984. – 176 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на –кар на материале Верхнего Прикамья // Лингвистическое краеведение Прикамья. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 1976. – Вып. 3. – С. 12–21.

Курлаев Е. А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: изд-во УрО РАН, 1997. – №4. – С. 102–117.

Майданова Л. М. Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопросы топониматики. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1962. – Вып. 1. – С. 22–32.

Мартынова Е. П. Этническая история хантов по легендам и преданиям // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X археол.-этногр. совещания, посвященного памяти В. Н. Чернецова. – Томск: изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – С. 120–122.

Матвеев А. К. О древнейших местах расселения угорских народов // Уч. зап. Пермского ун-та. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. ГУ, 1968. – С. 136–146.

Матвеев А. К. Топонимика Урала: учебное пособие. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1985. – 77 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. I. – 637 с.

Морозов В. М., Терехова Л. М. Отчет о раскопках городища Шеркалы I (раскоп II) в 1979 г. – Свердловск, 1980. – АКА УрГУ, Ф. II. Д. 375.

Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н. э.) // Западная Сибирь в древности и Средневековье: сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГУ, 1985. – С. 89–99.

Морозов В. М. Отчет об археологических исследованиях на трассе строящегося газопровода Ивдель – Пунга – Надым в Свердловской и Тюменской областях. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 2.

Морозов В. М. Отчет об исследовании городища Шеркалы I в 1979 году. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 3.

Морозов В. М. Отчет о раскопках городища Шеркалы I в 1983 году. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 4.

Мурыгин А. М., Королев К. С., Ляшев В. А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья // Научные доклады. Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1984. – Вып. 105. – 56 с.

Мурыгин А. М. Печерское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1904. – 255 с.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. – 169 с.

Овчинникова Е. И. К вопросу об общности топонимических типов Европейского Предуралья и Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1969. – С. 16–18.

Плигузов А. П. Текст-кентавр о сибирских самоедах. – М.: Археографический Центр. 1993. – 156 с.

Плюснин С. М., Волокитин А. В. Средневековое городище на Ижме // Родники Пармы. – Сыктывкар, 1990. – Вып. 90. – С. 24–28.

ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841.

ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848.

- ПСРЛ. Софийская II летопись. СПб., 1859.
 ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Петроград, 1915.
 ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.
 ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
 Соколова З. П. К истории жилища обских угров // Советская Этнография. – М.: Наука, 1957. – №2. – С. 85–105.
 Соколова З. П. Страна Югория. – М.: Мысль, 1976. – 118 с.
 Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных. – Пермский край, 1893. – Т. 2. – 138 с.
 Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1991. – № 20. – С. 126–145.
 Хайду Питер. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.
 Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. Обзор и классификация материала // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58 – С. 136–245.
 Штейнниц В. Из топонимики Северного Приобья: Географические названия // Вопросы географии. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – №58. – С. 109–111.

Список сокращений

- АКА УрГУ – архив кабинета археологии УрГУ
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 ФР УНИЦ УрФУ – фонд рукописей Угорского научно-исследовательского центра УрФУ